

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта

Тихонова Наталья Евгеньевна –
доктор социологических наук,
зам. директора ИС РАН

E-mail: netichon@mtu-net.ru

Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта¹

Аннотация

В статье исследовано понимание россиянами смысла и целей модернизационного проекта и показано, что, хотя процесс принятия норм и ценностей, характерных для обществ модерна, протекает в России очень противоречиво, страна уже довольно далеко продвинулась по пути социокультурной модернизации. В российском обществе нет сегодня серьёзных аксиологических и нормативных препятствий для модернизации, о чём свидетельствует и место России на ментальной карте мира, построенной с использованием методики Г. Хофстеда и приведённой в статье. Ресурс социальных инноваций в России отнюдь не исчерпан, и дальнейшее движение по пути реформ при определённых условиях может быть поддержано обществом.

Abstract

The paper explores Russians' understanding of the idea and goals of the modernization project. The author shows that although in Russia the process of assuming modern values is contradictory, the country has made certain progress on the road of sociocultural modernization. There are no serious axiological and normative obstacles to modernization in Russia today. An assumption proven among other evidence, by the location of Russia on the world value map constructed on the basis of Hofstede's methodology. Social innovation resources in Russia are far from being exhausted and further reforms can receive support from society on certain conditions.

Ключевые слова: ценности, социокультурная модернизация, культурная динамика, ментальность, методика Г. Хофстеда

Keywords: values, sociocultural modernization, cultural change, mentality, Geert Hofstede's techniques

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России», выполняемого при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-32-03001).

Место России в глобализирующемся мире связано не только с проводимыми на макроуровне экономическими и социальными реформами, но и со способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Эта способность зависит, в свою очередь, и от совпадения предпринимаемых на макроуровне властями страны усилий с ожиданиями населения, и от тех ценностей и норм¹, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни и которые, в конечном счёте, детерминируют их цели, стремления, поведенческие стратегии. В совокупности всё это определяет качество трудовых ресурсов страны и человеческий потенциал модернизации. Отсутствие же на микроуровне предпосылок для благополучного завершения процессов модернизации делает невозможным развитие современных институтов – ведь успешное функционирование любых институтов основывается на определённых ценностях и нормах.

В России проблема совместимости национальных норм и ценностей с задачами модернизации стоит сегодня как никогда остро, хотя впервые проблематика социокультурной модернизации² оказалась в центре внимания научного сообщества ещё в середине 1990-х гг. Именно тогда стало ясно, что все попытки проведения экономических реформ по их либеральному образцу приводят в России к совсем иным результатам, чем ожидалось их инициаторами, и возник вопрос о причинах сложившейся ситуации. При этом в конце 1990-х и начале 2000-х гг. при анализе данных причин представлялось, что речь идёт прежде всего о «наследии советской эпохи». Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этих взглядов и ещё резче поставило вопрос о том, сформировались ли в современной России пресловутый “modern man” с такими характерными для него особенностями, как инициативность и нонконформизм, внутренняя мобильность и экономическая рациональность, готовность к инновациям и ориентация на долгосрочный результат, законопослушность и наличие достигательных установок, понимание взаимосвязи личной свободы и персональной ответственности и т. д.? Ведь понятно, что без этих качеств трудно говорить о наличии предпосылок для успешной модернизации на микроуровне. И насколько вообще россияне готовы поддержать идею модернизации, а главное – что они подразумевают под ней?

Отвечая на эти вопросы, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что саму по себе идею необходимости модернизации страны россияне поддерживают и достаточно активно. Более

¹ Ценности, в отличие от норм, отражающих некое должествование или же «естественность», «нормальность» определённого положения, поведения и т. д., всегда эмоционально и аксиологически (хочу/не хочу, важно/неважно) окрашены.

² Социокультурная модернизация – процесс формирования при переходе к обществам индустриального типа новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего локуса-контроля.

того, в подавляющем большинстве своём (83%) они верят в то, что модернизация, понимаемая как выведение страны на качественно новый уровень жизни и развития, в России в обозримом будущем возможна. И хотя большинство россиян относят модернизацию по срокам её завершения на дальнюю перспективу – от 10 до 30 лет¹, – но ведь и задачи, которые надо, по их мнению, решить в ходе модернизационных преобразований, чрезвычайно масштабны, и их объективно невозможно реализовать в более короткие сроки.

Основной вектор модернизационных изменений население страны связывает в большей степени с задачами социальной модернизации², прежде всего – обеспечением равенства всех граждан перед законом и соблюдением гарантированных Конституцией прав человека, а не с экономическими или политическими преобразованиями (см. рис. 1), которые часто рас-

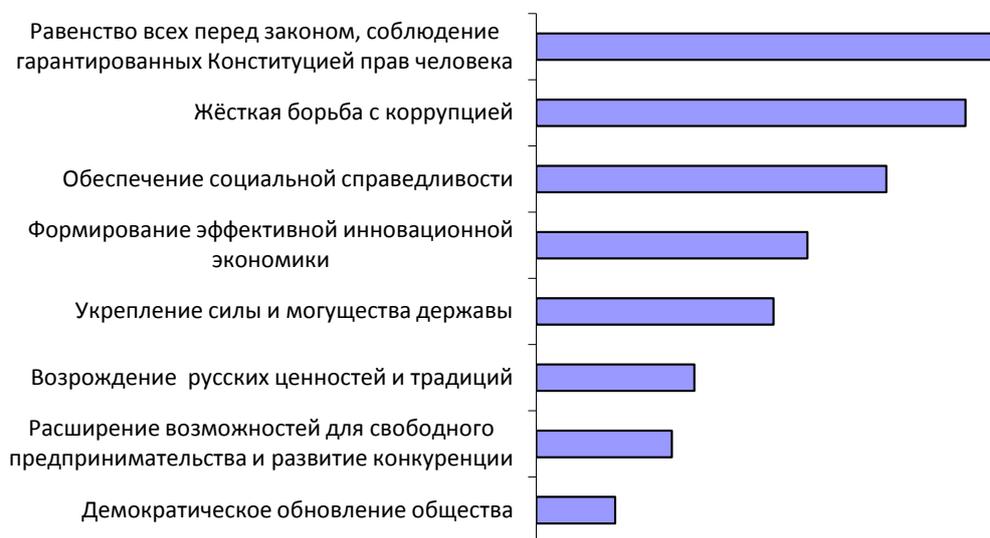

Рис. 1. Какая идея должна стать ключевой для модернизации России, % (допускалось два варианта ответа)

считаются как ключевые проблемы модернизации властью и экспертами разных политических взглядов. Смысл столь ярко выраженного запроса на главенство закона нельзя понять без учёта того факта, что формальное равенство всех перед законом, приходящее на смену изначальному неравенству представителей различных сословий, каст и т. д., характерному для немодернизированных, традиционных обществ, является отправной точкой для успешного развития обществ модерна. Не случайно формальное равенство всех членов общества –

¹ Данные общероссийского опроса Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.). Далее, если не оговорено иное, используются данные именно этого исследования.

² Модернизацию я рассматриваю как синоним движения к «современности» (modernity), означающий комплекс социальных, политических, экономических, культурных, демографических и т. д. трансформаций, которые отражают тот скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными».

Основной вектор модернизационных изменений население страны связывает в большей степени с задачами социальной модернизации, прежде всего – обеспечением равенства всех граждан перед законом и соблюдением гарантированных Конституцией прав человека.

один из ключевых лозунгов буржуазных революций. И, как видим, незавершённость преобразований и острота имеющихся в России именно в этой области проблем ясна уже не только специалистам, но и рядовым гражданам нашей страны.

За запросом на обеспечение равенства всех граждан перед законом и соблюдение гарантированных Конституцией прав человека стоит в первую очередь, конечно, очень глубокое и устойчивое недоверие россиян к судебной и правоохранительной системам¹, свидетельствующее об отсутствии в современном российском обществе эффективных путей и возможностей защиты своих интересов рядовыми гражданами. Однако это явление имеет и другую, ещё более важную сторону – за растущим запросом на роль Закона как ведущего социального регулятора стоят *очень существенные изменения в нормативно-ценностных системах россиян – изменения, по сути дела, постепенно формирующие новую реальность. В этой новой реальности уже Закон, а не Традиция*, нормы которой выступали в её интериоризированном виде как «совесть» («у тебя совесть есть?», т. е. «почему ты не следуешь тем правилам, которые традиционно предписывали вести себя в данной ситуации таким-то образом?»), может быть единственным эффективным регулятором, способным обеспечить россиянам более или менее комфортные условия совместного проживания, а не гоббсовскую «войну всех против всех», породившую в итоге «государство-Левиафана». Это, разумеется, не означает полную отмену регулирующей роли «совести» – и сегодня четыре из пяти россиян убеждены, что в своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония, и это гораздо важнее, чем власть и возможность оказывать влияние на других. Однако в условиях быстрой плюрализации общественной жизни и всё более различающихся у отдельных людей и групп представлений о том, чего требует их совесть, роль последней как социального регулятора всё более уходит на второй план, да и удаётся честно («по совести») прожить жизнь, даже по самооценкам россиян, менее чем 60% из них.

Такая постановка вопроса о причинах предпочтений наших сограждан при выборе приоритетов модернизации вновь, хотя и с несколько иной стороны, подводит нас к вопросу о динамике их нормативно-ценностных систем. И, переходя непосредственно к характеристике этой динамики, в первую очередь надо отметить, что благодаря работам групп М. К. Горшкова и автора данной статьи, Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, Н. М. Лебедевой и А. А. Татарко,

¹ Доверяли судебной системе страны в 2010 г. лишь 19% россиян притом, что не доверяли ей 53% (остальные затруднились ответить на этот вопрос); ещё хуже картина с доверием правоохранительным органам – милиции и органам внутренних дел доверял лишь каждый пятый россиянин при том, что не доверяло им почти 60% населения.

В. В. Магуна и М. Г. Руднева, а также ряда других авторов в социологической науке в последние годы уже достаточно прочно утвердилась точка зрения, что в России сейчас идёт быстрое изменение ценностно-нормативной составляющей национальной культуры. Наиболее характерной особенностью этого процесса выступает рост ценностей самоутверждения и успеха в ущерб ориентации на интересы группы, сотрудничество и взаимопомощь. Этот рост свидетельствует о *дрейфе культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспевания среди россиян говорить пока не приходится* (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика выбора россиян в альтернативных парах ценностных суждений о смысле жизни, 1995-2010 гг., %¹

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
В своей жизни человек должен стремиться к тому:			
- чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	80
- чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное:			
- хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	82
- общественное признание и успех	9	8	18

Идеальная модель жизни для россиян продолжает включать, прежде всего, наличие счастливой семьи, хороших детей и надёжных друзей. Важно для них также прожить свою жизнь честно и быть «не хуже других» (см. рис. 2). При этом в последние годы произошло сокращение тех, кто не имеет никаких достижительных мотиваций, хотя стремление стать богатым за эти годы не усилилось, и прирост достижительных мотиваций происходил в основном за счёт роста распространённости стремления к власти (+9% за 10 лет), ориентации на получение хорошего образования (+7%), а также желания иметь собственный бизнес и получить престижную работу (по 5% прироста). Однако и сегодня идеалом подавляющего большинства россиян остаётся спокойная жизнь в достатке с возможностью заниматься любимым делом, а не богатство и карьера.

Конечно, в различных группах населения есть свои нюансы установок, ценностей и стремлений. Тем не менее, существует общий «каркас» основных жизненных ценностей, который позволяет говорить о том, что ценностная система

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в XX-ом веке и своих надеждах на XXI-й век» (2000), а также всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Заметен дрейф культуры России от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным, хотя о сколько-нибудь массовом доминировании ценностей успеха и преуспевания среди россиян говорить пока не приходится.

Идеалом подавляющего большинства россиян остаётся спокойная жизнь в достатке с возможностью заниматься любимым делом, а не богатство и карьера.

россиян весьма устойчива и далека от идеала «американской мечты», являющейся основным импульсом мобильности и готовности к инновациям, например, в США.

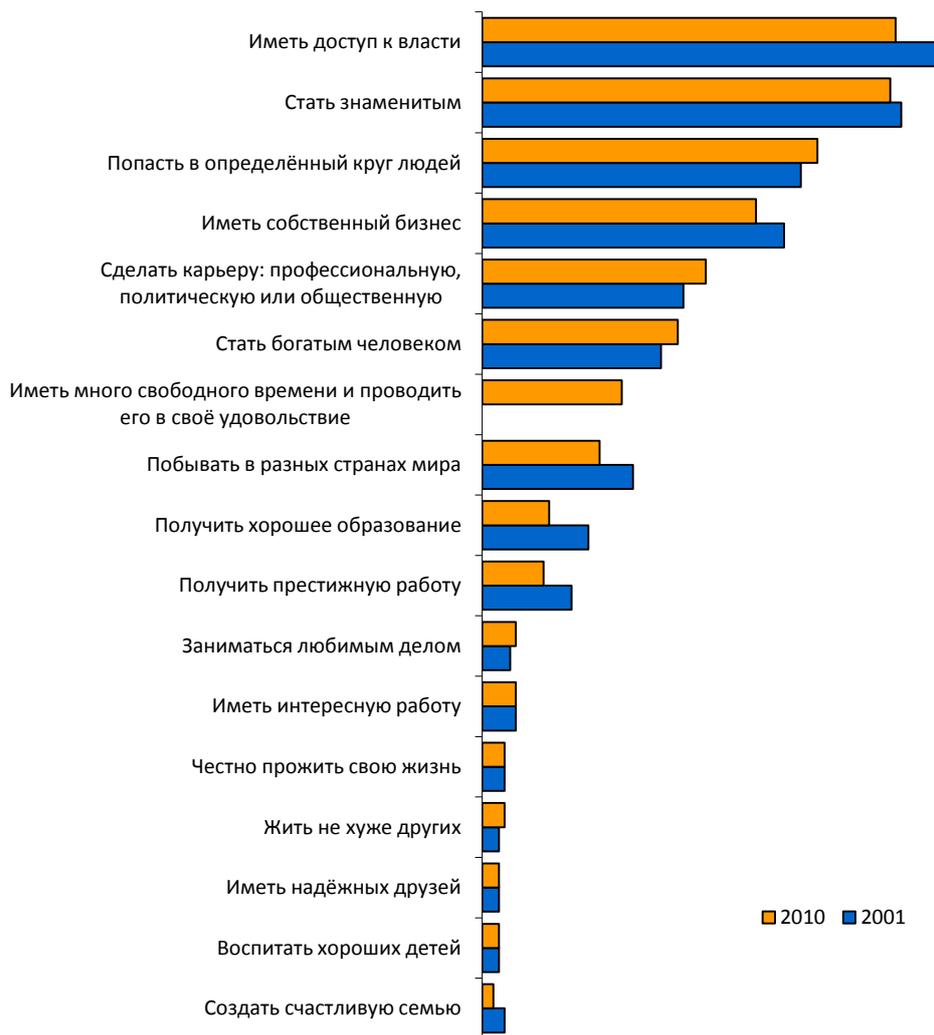

Рис. 2. Успех в каких сферахне входит в жизненные стремления россиян, 2001-2010 гг., %¹

Однако это не означает неспособности россиян поддерживать модернизационные инициативы, поскольку в их системе ценностей есть тот «двигатель», который, при правильном его понимании и использовании, способен придать невиданную динамичность развитию России, так как он носит внутренний, а не внешний по отношению к деятельности людей характер. Этот «двигатель» – интерес к самому содержанию выполняемой работы². Это значит, что россиянам заведомо бесполезно конкурировать с Китаем и «азиатскими тиграми» в области конвейерных производств, это явно не их сильная сторона. Зато

¹ Отранжировано по показателям всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010). Часть позиций в анкете опроса 2001 г. отсутствовала, поэтому данные по стремлению иметь много свободного времени на рисунке за этот год не приведены. Данные по стремлению сделать карьеру даны по исследованию 2004 г., а по стремлению иметь доступ к власти – по 2003 г. Данные по позициям, имеющим отношение к работе, даны по трудоспособному населению.

² Интересную работу хотели бы иметь более чем 90% работающих россиян.

«Отчуждённый труд», как и труд без чётко выраженной и понятной связи выполненной работы и полученного вознаграждения за неё, не может не вызывать сдвиг в пользу сугубо инструментального к ней отношения, восприятия её прежде всего через призму приносимой ею материальной отдачи.

в наукоёмких технологиях, в индивидуальном, а не в серийном производстве, они при определённых условиях могли бы быть вполне конкурентоспособны на мировом рынке.

Однако возможности этого мотивационного ресурса не стоит и преувеличивать, поскольку сами по себе рыночные отношения и активное насаждение ценностей общества потребления, особенно в их российской версии, ведут к постепенному падению для россиян ценности интересной работы.

«Отчуждённый труд», как и труд без чётко выраженной и понятной связи выполненной работы и полученного вознаграждения за неё, не может не вызывать сдвигов в пользу сугубо инструментального к ней отношения, восприятия её прежде всего через призму приносимой ею материальной отдачи (см. таблицу 2).

Таблица 2

Выбор россиян в альтернативной паре ценностных суждений о работе, 1995-2010 гг., %¹

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни.	63	58	54
Главное в работе – это сколько за нее платят.	37	42	46

Однако проблема эффективной технико-экономической модернизации в России с точки зрения особенностей трудовых мотиваций работающих россиян заключается не столько в том, что заработок всё чаще рассматривается как главное в работе среди, например, рабочих, сколько в том, что специалисты и руководители также стали всё чаще разделять эту норму (см. рис. 3). А вот это уже серьёзная проблема для успешного продвижения по пути инновационной экономики. Тем не менее, специалисты и руководители и сейчас ещё готовы поставить интерес к работе выше заработка в двух третях случаев, а среди рабочих таковых – только 42%. Важнее же всего доход, а не содержание работы, в России для предпринимателей и самозанятых; хотя для них также, как для профессионалов и руководителей, эта мотивация в рамках современных теорий менеджмента считается наименее эффективной.

Кроме того, значимости интереса к работе в общей системе ценностей работников для эффективной деятельности в условиях современной глобальной экономики недостаточно. Необходимы также готовность к постоянному обновлению знаний и навыков, мобильность, инновационный настрой и т. д. Однако динамика распространённости готовности к обновле-

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в XX-м веке и своих надеждах на XXI-й век» (2000), а также всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Специалисты и руководители и сейчас ещё готовы поставить интерес к работе выше заработка в двух третях случаев, а среди рабочих таковых – всего 42%.

нию своего человеческого капитала и отношения к инновациям, инициативе и т. п. говорит о противоречивости ситуации в России в этой области за последние 20 лет.

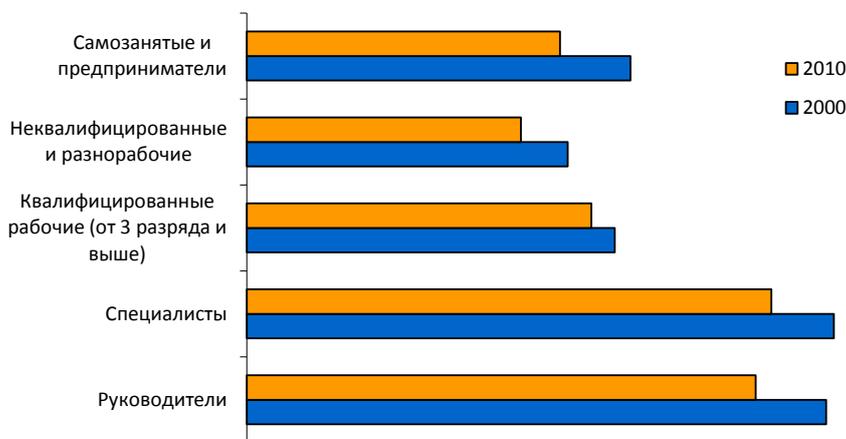

Рис. 3. Динамика выбора некоторых социально-профессиональных групп в дилемме: «Главное в работе – сколько за неё платят» – «Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни», 2000-2010 гг., %¹

Что касается отношения россиян к обновлению своих знаний, повышению квалификации и причин сложившейся в этой области ситуации, то этой проблематике посвящён ряд статей данного номера журнала, поэтому я ограничусь лишь констатацией того факта, что участие россиян во всех формах обновления своих знаний (как формальных, так и неформальных) в последние годы сокращается. В то же время значимость хорошего образования для них растёт, как растёт и число лиц, имеющих высшее образование.

Что же касается отношения к инновациям, то *ориентация на инновации, поиск нового среди россиян в последнее десятилетие не только не усиливается, но даже сокращается.*

Так, если в 2000 г. считали, что «главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве», около половины россиян, то за десять лет их число сократилось уже до 43%². При этом соотношение групп, ориентированных на инициативу и следование традициям, в различных возрастных когортах качественно различается (см. таблицу 3), хотя плавное сокращение доли ориентированных на предприимчивость и поиск нового идёт в последние годы во всех возрастных когортах.

¹ Данные всероссийского опроса РНИСиНП «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (2000) и всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

² Данные всероссийского опроса РНИСиНП «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век» (2000) и всероссийского опроса ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

Ориентация на инновации, поиск нового среди россиян в последнее десятилетие не только не усиливается, но даже сокращается.

Таблица 3

Выбор россиян в дилемме: «главное – следование привычному» – «главное – это поиск нового», 2007/2010 гг., %¹

Альтернативные суждения	16–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет
2007					
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	37	44	55	55	65
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	63	54	45	45	34
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	34	52	53	62	68
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	66	48	47	38	32

Эти процессы разворачиваются на фоне очень противоречивой ситуации с таким важным для формирования нормативно-ценностной системы “modern man” качеством, как **нонконформизм**, являющимся в нормальных рыночных условиях «питательной средой» для развития инновационного типа поведения. Так, в начале реформ 1990-х гг. с характерным для той поры ощущением безграничной свободы действительно фиксировалось доминирование нонконформистских настроений. Однако, возможно в силу серьёзного стресса из-за быстрых и болезненных для населения реформ, повлекших за собой определённую дезориентацию населения, оно сменилось ростом числа сторонников идеологии «не высовывайся» (см. рис. 4).

В самые последние годы, однако, тренд динамики установок россиян на конформизм/нонконформизм снова поменялся. И дело здесь не только в том, что традиционно характерный для молодёжи нонконформизм в последние годы усилился, но и в быстром росте нонконформистских настроений в остальных возрастных когортах, особенно – среди тех, кто старше 40 лет. Так, например, среди россиян, кому «за 60», доля нонконформистов за период 2003-2010 гг. увеличилась на треть – с 24% до 32%. Это очень серьёзные изменения,

¹ Данные всероссийских опросов ИС РАН «Граждане новой России: какие они и в каком обществе хотели бы жить?» (2007) и «Готово ли российское общество к модернизации» (2010).

поскольку в итоге *сегодня среди россиян вновь доминирует уже не конформизм – естественная основа для сохранения Традицией своей доминирующей роли, – а нонконформизм.*

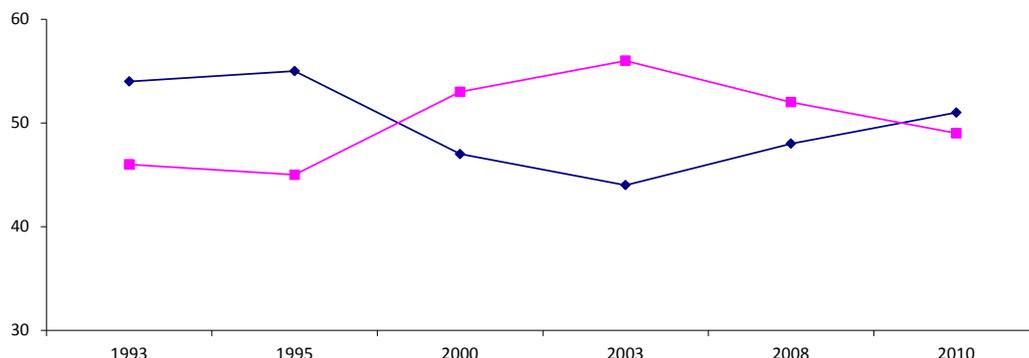

Рис. 4. Выбор в дилемме: «быть яркой индивидуальностью» – «быть как все», %¹

При этом нонконформизм и стремление «выделиться» всё меньше оказываются связаны с самореализацией в работе, занятием любимым делом. Это во многом отражает утрату в последние два десятилетия связи статуса человека в сообществе с его производственной деятельностью и переход функции «определителя статуса» к материальной составляющей жизни, прежде всего – к уровню доходов. Во всяком случае, подавляющее большинство россиян устойчиво называют уровень материальной обеспеченности и во многом вытекающий из него образ жизни как главные основания определения ими своего социального статуса. В 2008 г., например, материальную обеспеченность рассматривали в этом качестве 56%, а образ жизни – 48% при том, что уровень квалификации был значим в этом качестве лишь для 11%, престижность профессии – для 14%, должность – для 16% и т. д.² В итоге всевозрастающая роль денег как определителя социального статуса, столь важного для россиян (вспомним пресловутое «Ты меня уважаешь?»), стимулирует так называемое «престижное потребление» вместо того, чтобы быть, как в более развитых и находящихся ближе к меритократическому идеалу обществах, мощным стимулом к самореализации в труде и карьерных достижениях.

Таким образом, *в современной России сложилась парадоксальная картина – достигательные мотивации и нонконформизм в ней, хотя и медленно, но распространяются, а тесно связанные с ними в обществах модерна установки на инициативу, предприимчивость, инновационность и т. д.*

¹ Данные всероссийских опросов РНИСиНП (мониторингового исследования (1993), опросов «В каком обществе нам жить» (1995) и «Россияне о судьбах России в XXI-м веке и своих надеждах на XXI-й век» (2000)), ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (2003) и ИС РАН «Малообеспеченные в современной России» (2008) и «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010).

² Данные исследования Института социологии РАН «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008).

Сегодня среди россиян вновь доминирует уже не конформизм – естественная основа для сохранения Традицией своей доминирующей роли, – а нонконформизм.

Кредит доверия населения к модернизационному проекту должен подпитываться реальным улучшением повседневной жизни россиян уже в ближайшие годы.

становятся всё менее типичными, как сокращается и значимость «интересности» работы с одновременным ростом значимости дохода от неё.

Это изменение ценностей и установок россиян не означает, однако, их полной неспособности поддержать на микроуровне идеи модернизации – оно означает лишь, что *кредит доверия населения к модернизационному проекту должен подпитываться реальным улучшением повседневной жизни россиян уже в ближайшие годы.* Они не готовы ждать этого улучшения ни 5, ни 10, ни 20 лет. Не означает это и общей утраты российским обществом социального динамизма и готовности к переменам. После двух десятилетий непрерывных изменений, когда, казалось бы, так естественно желать «успокоения», почти 60% россиян говорят о том, что им нравится жить в постоянно меняющемся мире. Подтверждает сохранение социального динамизма у большей части россиян и анализ «коллективного бессознательного». Практически по всему блоку понятий, семантически соотносимых с движением, развитием, социальной мобильностью («эффективность», «темп», «модернизация», «риск», «будущее», «наука» и др.), у россиян устойчиво фиксируется заметное превышение симпатий над антипатиями.

Таким образом, при всей неоднозначности динамики отношения россиян к инициативе, инновациям и т. п., оценивая наличие в общественном сознании внутренних импульсов для развития страны, можно констатировать, что в нём и *до сих пор преобладает ориентация на перемены, мобильность, а не на консервацию окружающей действительности. Это позволяет говорить о том, что ресурс социальной инновации в российском обществе отнюдь не исчерпан и дальнейшее движение по пути реформ может быть поддержано обществом.* В то же время стоит учитывать, что, по мнению большинства (58%) россиян, это должны быть всё-таки не кардинальные реформы, а эволюционное развитие. Такая их позиция отражает, видимо, ту противоречивость динамики нормативно-ценностных систем наших сограждан в последние годы, о которой говорилось выше.

Противоречива и ситуация с отношением россиян к закону, соблюдение которого – одна из важнейших предпосылок успешного протекания модернизационных процессов. Динамика этого отношения отражает протекание в российском обществе процесса смены механизмов социального воспроизводства и контроля: переход от традиции («неписанного права») как ведущего регулятора социальных отношений к системе «писанного права» – законам, инструкциям и т. п. Данные свидетельствуют о том, что *в России постепенно растёт понимание роли и значимости эффективного законодательства в жизни общества* – если в 2004 г. лишь 39% населения

До сих пор преобладает ориентация на перемены, мобильность, а не на консервацию окружающей действительности. Это позволяет говорить о том, что ресурс социальной инновации в российском обществе отнюдь не исчерпан и дальнейшее движение по пути реформ может быть поддержано обществом.

считало, что для России хорошие законы важнее хороших руководителей, то в 2010 г. таковых было уже 48%. Учитывая, что речь идёт о сравнительно коротком временном периоде, такой рост понимания значимости институциональных, а не персональных факторов развития свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного сознания в данной области. Об этой же тенденции свидетельствуют не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, даже если этого требуют интересы государства (с 46% до 38% за период с 1998 по 2010 гг.), но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае (см. рис. 5). И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет, – главное, чтобы это было справедливо, по-прежнему очень многочисленна, всё же впервые за время наблюдений она составляет ныне менее 50% населения, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Снизилась за это время и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти, зато выросла доля тех, кто полагает, что всегда и во всём следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям.

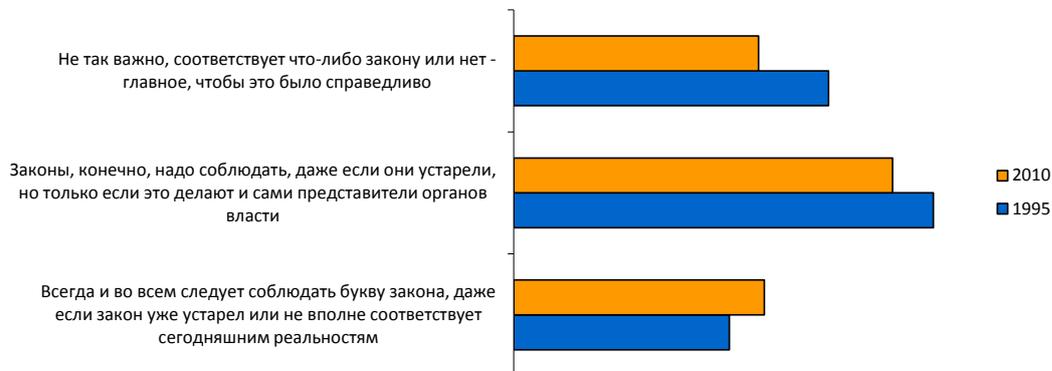

Рис. 5. Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону, 1995/2010 гг., % от сумевших определить свою позицию в соответствующих вопросах¹

За этими изменениями стоит *всё большая готовность к принятию Закона как основного социального регулятора – готовность, без которой любые попытки модернизации, в том числе и технико-экономической, заведомо обречены на провал.* Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос россиян на то, чтобы закон как социальный регулятор, наконец, заработал, *наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками того, что, во-первых, нормы закона обязательны*

¹ Данные общероссийских исследований РНИСиНП «В каком обществе нам жить» (1995) и ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010). По каждой из переменных, представленных на рисунке, ответ выбирался отдельно.

для всех и только в этом случае они их готовы соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т. е. соответствуют их представлениям о социальной справедливости.

Ярким проявлением такой их позиции выступает и отношение россиян к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убеждены они в их правоте или нет. Хотя доля считающих, что руководителям нужно подчиняться только в случае согласия с их требованиями, выросла за последние 15 лет на 4%, свыше двух третей работающих россиян по-прежнему к этому не готовы. Причём это убеждение является некоей общей социокультурной нормой, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наёмных работников, и руководители разных уровней. И даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны. Вряд ли можно в этих условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

Однако постепенно в России формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, что хочет и с чем согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм. Об этом свидетельствует не только запрос россиян на активизацию Закона как социального регулятора и их видение необходимости изменений в этой области как ключевой идеи модернизации, но и ряд других фактов, в т. ч. динамика восприятия россиянами свободы. В российском обществе идёт сейчас постепенный процесс вытеснения понимания свободы как «воли», восприятия её как «свободы от...» её современным пониманием как «свободы для...», т. е. как свободы защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом форм. Так, если 15 и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («Свобода – это возможность быть самому себе хозяином» и «Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение выборов в пользу первого и второго составляло 65:35, то сейчас уже – 60:40.

Возможно, если бы «институциональная матрица» российского общества предоставляла большие возможности для активности россиян, эти изменения совершались бы быстрее. Однако пока что возможности что-то радикально изменить

Постепенно в России формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, что хочет и с чем согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм.

в своей жизни у большинства из них нет. В результате среди россиян и сегодня доминируют установки на зависимость от внешних по отношению к самому человеку обстоятельств, повлиять на которые он не может, внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т. д. При этом уверенность в том, что их материальное положение зависит, прежде всего, от них самих, а не от внешних обстоятельств, и они способны выжить без материальной помощи со стороны государства, характеризует только возрастные когорты до 30 лет. Что же касается готовности россиян разных возрастов принять участие в переменах в стране, то ответственность за их успех даже среди молодёжи возлагается в первую очередь на государство, т. к. люди не верят в то, что в сложившихся в России институциональных условиях от них что-то зависит (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Специфика некоторых ценностных ориентаций
в разных возрастных когортах, %**

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
Я уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам, и потому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства.	53	45	42	33	12
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно.	47	55	58	67	88
Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего от меня.	59	54	50	35	20
От меня мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране.	41	46	50	65	80
Перемены в российском обществе надо проводить «сверху», и власть должна контролировать их проведение.	58	65	65	66	71
Перемены надо проводить «снизу», опираясь не на власть, а на инициативных людей, здоровые силы внутри самого общества.	42	35	35	34	29

Ценности (выбор в альтернативных парах)	Возрастные когорты				
	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет
В делах страны многое зависит от простых граждан.	23	21	19	20	17
В делах страны ничего не зависит от простых граждан, всё зависит от руководителей и политиков.	77	79	81	80	83

Впрочем, ожидание помощи со стороны государства и неуверенность в собственных силах, вопреки распространённым убеждениям, – не столько норма российской культуры, сколько реакция на сложившуюся в последние 20 лет в России ситуацию. Еще в 1990 г., например, среди россиян доминировала норма, что ответственность за самообеспечение в большей степени должны нести сами люди, а не государство¹. Решающую роль в переходе от ориентации на собственные силы к ожиданию помощи со стороны государства сыграло формирование в ходе реформ такой системы общественных отношений, где ключевую роль, по мнению населения страны, играют не столько личные усилия, сколько связи и везение – 57% работающих россиян считают, что в современной России не упорный труд, а связи и везение являются залогом успеха в жизни.

Более того – запрос россиян к государству на рост его ответственности за положение рядовых граждан отнюдь не является чем-то уникальным в ряду остальных стран (см. рис. 6).

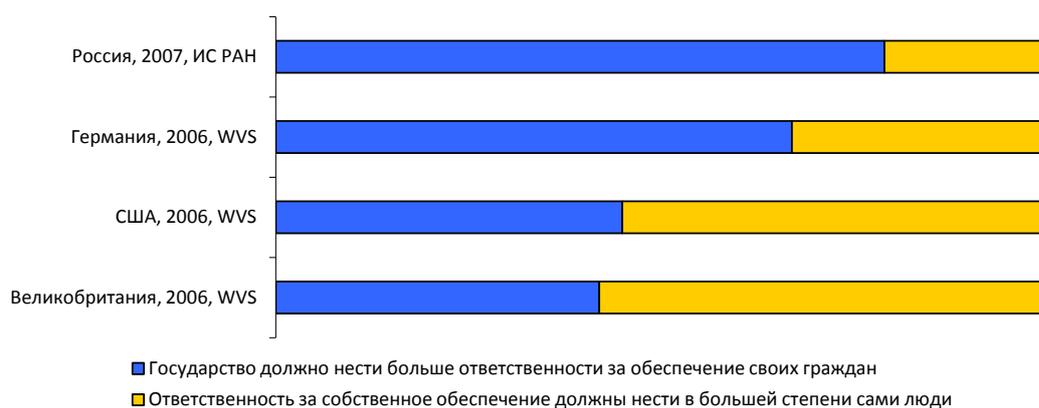

Рис. 6. Распространённость патерналистских настроений у граждан разных стран мира, % от ответивших²

¹ Данные World Value Survey (WVS) 1990 г. (вторая волна: 1989-1993 гг.). Расчёты на массиве данных WVS проводились к. э. н. В. А. Аникиным.

² Данные всероссийского опроса ИС РАН «Российская идентичность в социологическом измерении» (2007) и международного сравнительного исследования "World Value Survey" (WVS) за 2006 г.

Не уникальна и характерная для современного состояния нормативно-ценностных систем россиян слабая распространённость ценностей индивидуальной карьеры и преуспевания, которые являются основой экономической активности населения в западных культурах. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о месте России на условной ментальной карте мира (см. рис. 7), построенной с использованием методики измерения национальных культурных характеристик Г. Хофстеда¹.

По типу своей нормативно-ценностной системы Россия тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», хотя своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней позволяет говорить о специфичности характерной для неё системы ценностей и норм.

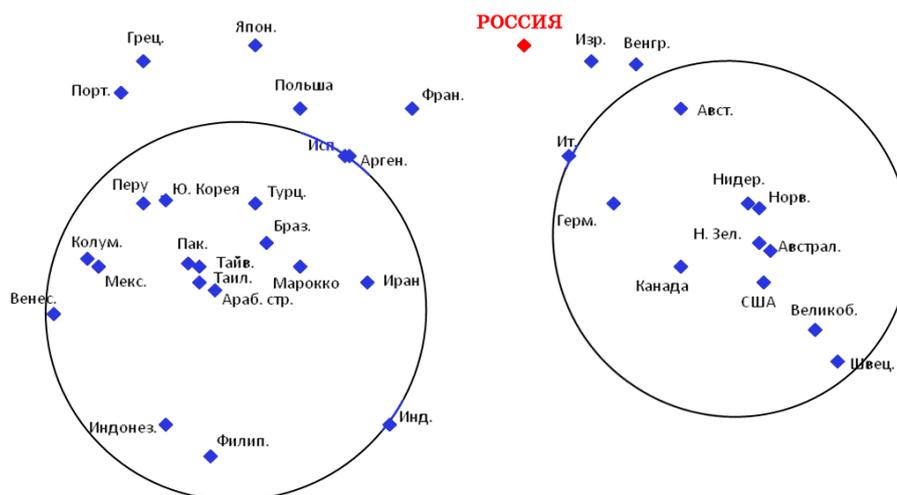

Рис. 7. Место России на условной ментальной карте мира²

В правой части рис. 7 чётко сгруппировались страны с европейскими культурными корнями, включая Канаду и США. В левой части – в основном страны неевропейских культур, в которых процессы социальной и социокультурной модернизации ещё не завершены. При этом Россия оказалась за рамками обоих этих кластеров, а её ближайшим соседом стал Израиль. Таким образом, по типу своей нормативно-ценностной системы Россия тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», хотя своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное, сочетание различных культурных характеристик в ней позволяет говорить о *специфичности характерной для неё системы ценностей и норм*. Впрочем, в этом отношении

¹ Методика Г. Хофстеда уже около полувека успешно применяется в десятках стран мира. В отличие от таких известных методик измерения ценностей, как методики Ш. Шварца или Р. Инглхардта, она апеллирует прежде всего к нормам и ценностям, определяющим поведение человека на работе, что имеет особое значение для оценки перспектив технико-экономической модернизации, позволяя, впрочем, прогнозировать и вектор изменений более инертных «внепроизводственных» отношений. В её основе лежит расчёт показателей по 4 шкалам: толерантность к неравномерному, иерархизированному распределению власти («Дистанция власти»); доминирование ценностей, традиционно рассматриваемых как «мужские» (достижение, успех) или «женские» (теплые личные отношения, взаимопомощь) («Маскулинность»); высокая значимость личных интересов («Индивидуализм»); стремление к ясности и чёткости правил, в соответствии с которыми организован внешний мир, и сведению к минимуму «эффекта неопределённости» («Избегание неопределённости»).

² Карта построена к. с. н. Н. В. Латовой на основе результатов многомерного шкалирования.

она в мире далеко не одинока, а близость её с Израилем или Венгрией, вполне успешно осуществляющими технико-экономические модернизационные преобразования, уже сама по себе говорит о том, что никаких принципиальных «противопоказаний» со стороны нормативно-ценностных систем населения для такого рода преобразований в ней нет.

Подведём итоги

Несмотря на противоречивость и неоднозначность динамики нормативно-ценностных систем россиян, в российском обществе есть значительный социокультурный ресурс для модернизационного рывка, а россиянам по-прежнему присущи внутренний динамизм и готовность к переменам. Более того – страна достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. В ходе этого процесса часть норм и ценностей заменялась для россиян другими, зачастую альтернативными, а часть изменяла свой смысл.

При этом социокультурная модернизация может и дальше протекать в России достаточно быстрыми темпами – невзирая на интенсивность перемен в течение двух последних десятилетий, в российском обществе ещё не наступила усталость от перемен как таковых и существует потенциал для динамичных изменений. Однако вектор модернизационных преобразований в сфере технико-экономической модернизации, реализуемой «сверху», должен учитывать особенности национальной ментальности; в частности, неприемлемость прямого заимствования и насаждения в России типа производственной культуры, характерной для стран либеральной ориентации и малоэффективной с учётом особенностей трудовых мотиваций и нормативно-ценностных систем российских работников.

Цели и задачи модернизационного проекта, который предлагается сегодня властью обществу, должны учитывать в этих условиях специфику и динамику ценностей национальной культуры. Идеологическое обеспечение модернизационного проекта следует построить таким образом, чтобы люди могли увидеть, как реализация этого проекта скажется на сферах жизни, наиболее значимых в их системе ценностей. Необходимо также взаимоувязывание задач технико-экономической и социальной модернизации, ключевым вопросом которой является сегодня в России утверждение роли ведущего социального регулятора за «писаным правом», обеспечение равенства всех перед законом и соблюдение гарантированных российским законодательством прав и свобод граждан.